

К. А. Михайлов

(Санкт-Петербург)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ УКРЕПЛЕНИЙ СТАРОКИЕВСКОГО ГОРОДИЩА

Работа посвящена анализу укреплений Старокиевского городища. Используя архивные материалы из раскопок Д.В. Милеева 1908—1915 гг. и короткие сообщения о новых исследованиях рва этого городища, автор предлагает свою реконструкцию деревоземляных укреплений. По его мнению, упомянутые укрепления функционировали только на рубеже IX—X вв., а их конструкция близка ранним укреплениям Новгородского (Рюрикова) городища.

К л ю ч е в ы е с л о в а: древнерусский город, городище, Старокиевская гора, укрепления, ров, вал, городни, реконструкция.

Введение. История изучения городища на Старокиевской горе тесным образом связана с развитием наших знаний о топографии и хронологии древнего Киева. Ключевое положение городища в истории сложения «матери городов русских» постоянно подчеркивается в оживленных дискуссиях, которые с регулярной периодичностью возвращаются к вопросам о времени и месте возникновения крупнейшего древнерусского города. Так как большинство гипотез связывают его формирование с общим ядром — укрепленной княжеской резиденцией, то в них видное место занимает вопрос о строительстве древнейших оборонительных сооружений Киева. Таким образом, проблемы расположения, реконструкции и датировки первых укреплений связаны с превращением поселения на берегах Днепра в полноправный город. Право на местонахождения первых древнерусских укреплений оспаривали несколько отрогов Киевских гор. По мнению ученых, ранние укрепления могли располагаться на Десятинке, Вздыхательнице и Замковой горе. В.А. Булкин и Г.С. Лебедев считали местом первой княжеской крепости Лысую гору, которую они отождествляли с «Самватасом». В.Н. Зоценко локализовал княжеский

град на Замковой горе (Булкин, Дубов, Лебедев 1978, с. 13—14). Среди прочих Старокиевская гора считалась наиболее вероятным местом расположения наиболее древнего укрепленного городища. Многие исследователи относили время его возникновения к VI—VIII вв. (Комар 2005, с. 114—115, 127). Старокиевская гора наиболее высокая среди киевских возвышенностей и с одной из самых обширных площадок. Она занимает господствующее положение над устьем р. Почайны и поймой Днепра. В северо-западной части горы сохранился ров, который ограждает площадку общей площадью около 2 га. Сам ров расположен по оси север-юг, с поворотом на юго-запад. С его внешней, восточной стороны расположены остатки киевского некрополя X и фундаменты сооружений монументального комплекса каменных зданий конца X в.

В последние годы обсуждение топографии и хронологии Старокиевской горы приобрели новую актуальность в связи с возобновлением работ в том месте, где находился первый древнерусский каменный храм — церковь Богородицы Десятинная (Андрощук 2004, с. 7—47; Зоценко 2004, с. 27—52; Комар 2005, с. 137; Козюба 2004, с. 139—152; Михайлов 2004; Козюба 2008). Подробный анализ истории изучения этого памятника и окружающих территорий недавно был представлен в прекрасной диссертационной работе Д.Д. Ёлшина и в ряде публикаций В.К. Козюбы (Ёлшин 2008; Козюба 2004; 2008). Исследователи обработали значительный массив ранее не публиковавшихся архивных материалов, которые позволяют подробнее рассмотреть стратиграфию древнейших укреплений Старокиевского городища, их соотношение с могильником и монументальным комплексом княжеского двора.

Если коротко коснуться истории изучения древнейших фортификаций городища, то самые масштабные и результативные исследования связаны с работами экспедиций под руководством Д.В. Милеева в 1908—1914 гг. (Императорская Археологическая Комиссия) и Ф.Н. Молчановского 1936—1937 гг. (ИА АН УССР). В настоящий момент работы на памятнике продолжены экспедицией ИА НАНУ под руководством Г.Ю. Ивакина и при участии сотрудников Гос. Эрмитажа. Анализ документации Д.В. Милеева и новые исследования городищенского рва в 2007—2009 гг. позволяют более детально рассмотреть конструкции ранних укреплений (Ивакин, Иоаннісян 2008, с. 198, рис. 7).

Самые крупные исследования на Старокиевской горе были проведены Императорской Археологической Комиссией (Ёлшин 2009). В 1908—1914 гг. экспедиция ИАК под руководством Б.В. Фармаковского и Д.В. Милеева раскрыла ров городища на протяжении почти 40 м. Раскопки производились прямоугольными ямами (5 × 3 м). Между ними исследователь оставлял бровки — «гребешки» (ОАК 1912, с. 134; Козюба 2005, с. 171—177, рис. 1—2). Бровки располагались почти перпендикулярно северной стене Десятинной церкви и под небольшим углом к длинной оси рва. Раскоп доводился до материка. За несколько лет Д.В. Милеев нарисовал 11 профилей рва. Отличительной особенностью раскопок являлась необычайно подробная графическая и фотофиксация всех этапов исследования (Ёлшин 2009, с. 924—926). Часть черновиков с обмерами экспедиции и сделанные на их основе белые чертежи сохранились в архиве ИИМК РАН, часть — в Киеве (Научный архив ИИМК РАН, лл. 10 (11), 11 (12), 27 (28), 30 (31), 30 (31) об., 33 (34), 37 (38), 44 (45), 47 (48), 51 (53), 53 (55)¹). За прошедшее столетие оказались опубликованы только два разреза рва из раскопок 1908 г. В несколько упрощенном виде они были перерисованы и вошли в монографию М.К. Каргера «Древний Киев», а затем оказались перепечатаны в работе С.Р. Килиевич (Каргер 1958, с. 98—100, рис. 8; Килиевич 1982, с. 27, рис. 11. В публикациях разрез рва 1908 г. ошибочно обозначен как разрез 1909 г.). Остальные материалы раскопок ИАК так и остались невостребованными. В 1990-е гг. в Киеве были обнаружены некоторые полевые дневники Д.В. Милеева с его черновыми зарисовками. Два листа из них в 2004 г. опубликовал В.К. Козюба. На листах сохранились черновые зарисовки траншеи 1908 г. Изображения остатков деревянных конструкций на них оказались идентичны изображениям на перебеленных в ИАК чертежах траншеи 1908 г. (Козюба 2004, с. 141, рис. 2—3; Научный архив ИИМК РАН, лл. 10 (11), 11 (12). К сожалению, остальные чертежи Д.В. Милеева исследователь не использовал при работе над реконструкци-

ями). Во время работ 2005—2008 гг. полностью подтвердилась достоверность и высокая точность полевой документации экспедиции ИАК под руководством Д.В. Милеева. На мой взгляд, главная ценность исследований последних лет состоит в реабилитации методики и документации экспедиции ИАК, что, в свою очередь, позволяет использовать её в качестве базовой информации при анализе и реконструкциях рвов Старокиевского городища.

Некоторая часть вновь выявленных архивных материалов послужила основой для реконструкции ранних укреплений городища в виде двухступенчатой дерево-земляной стены. Стена или вал, по мнению В.К. Козюбы, состоял из ярусов чередующихся тонких бревен. Всего упоминается 12 поперечных и 6 продольных ярусов дубовых брусев или жердей. Концы бревен на внутреннем склоне рва, по мнению киевского исследователя, крепились тонкими деревянными кольщиками (впоследствии исследователь признал использование кольщиков досадной ошибкой). Нижние четыре ряда бревен выступают за пределы линии стены, образуя невысокую ступеньку (Козюба 2004, с. 141—144, рис. 4). В таком виде реконструкция ранних укреплений Старокиевского городища полностью совпадает с крепостными стенами крюковой конструкции (Моргунов 2009, с. 44—45). Именно такие выводы сделал Ю.Ю. Моргунов на основании информации, представленной В.К. Козюбой (Моргунов 2009, с. 30). Однако целый ряд деталей в конструкциях укреплений, сохранившихся на чертежах ИАК, а также данные последних раскопок не позволяют согласиться с выводами исследователя. На мой взгляд, при реконструкции укреплений им было допущено несколько принципиальных заблуждений, которые не позволяют достоверно восстановить внешний облик и конструкции фортификаций Старокиевского городища.

- Во-первых, остатки деревоземляных конструкций и ров воспринимались исследователем в качестве конструкций сохранивших свою первоначальную форму и объемы.
- Во-вторых, единственно возможная реконструкция укреплений древнерусского времени представлялась автору только в виде вала.
- В третьих, за бревна крюковой конструкции, перпендикулярные длинной оси рва были ошибочно приняты фрагменты поперечных деревянных стен, которые были прослежены только на двух далеко отстоящих участках.
- В четвертых, перед основной линией вала необоснованно дорисовано восемь ярусов, которые выступают за пределы над дном рва, образуя ступеньку (Моргунов 2009, рис. 9; Козюба 2008, с. 141—143).

Размеры оборонительных конструкций и рва: В связи с разночтениями, которые возникли при анализе архивной и полевой информации, поз-

1. Нумерация в скобках по штампам ГАИМКа — К. М.

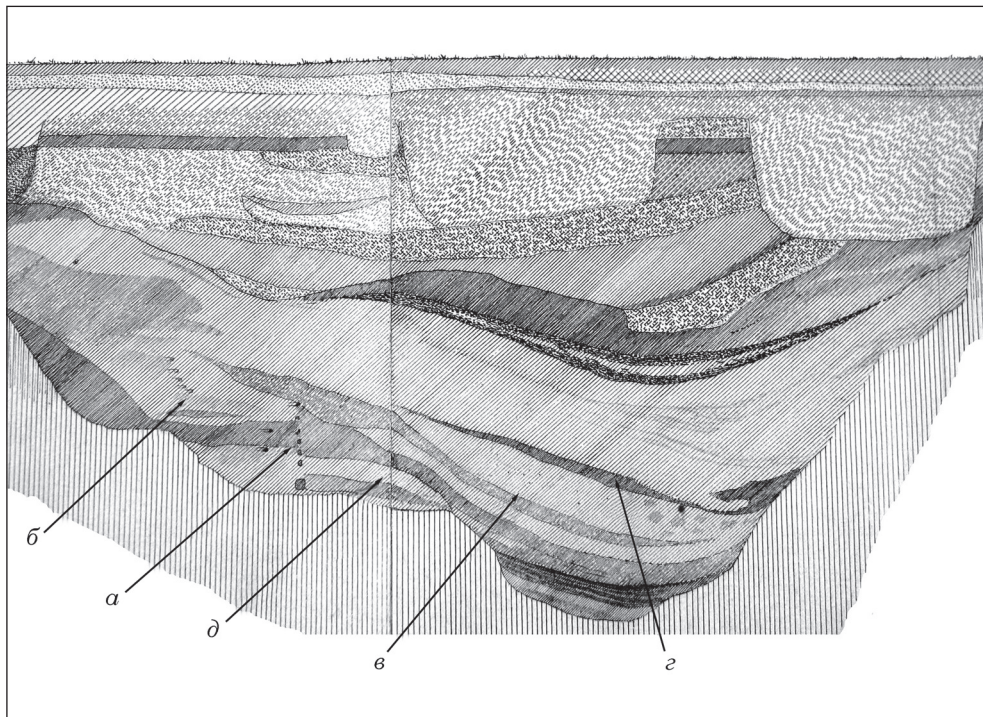

Рис. 1. Экспедиция ИАК. В.Д. Милеев. Деталь восточного профиля траншеи — прорезки рва. 1908 г. НА ИИМК РАН. Ф. Р—1. Д. 32. Л. 11 (12); а — остатки деревянной стены расположенной параллельно длинной оси рва; б — остатки деревянных субструкций от деревянной стены расположенной перпендикулярно длинной оси рва; в — прослойки разрушенных забутовок внешней линии деревянных каркасов-городен; г — слой угля поверх слоя разрушенной стены городища; д — горизонтальные прослойки внутренней забутовки деревянных каркасов

волю себе обратиться к информации, собранной из 12 полевых и беловых чертежей экспедиции Д.В. Милеева. На всех чертежах из архивов ИАК ров городища имел треугольную форму профиля. Внешний край рва представлял собой крутой склон, который понижался под углом 50—52°. На некоторых профилях крутизна склона достигала 59—60°, что может быть связано с разной степенью его разрушения. Внутренний склон рва понижался от верхнего края ко дну двумя террасами под углом около 43—47°. Ширина рва по верхнему краю составляла около 12—13,5 м. Около дна ширина рва уменьшалась до 2 м. На разных участках глубина рва от древней дневной поверхнос-

ти варьировалась от 4 до 5,5 м. По внутреннему склону рва шла широкая уплощенная земляная ступенька-уступ, на которой сохранились остатки деревоземляных конструкций. Ступенька находилась на высоте около 1,5 м от дна рва. Ширина ступеньки достигала 3 м. Её следы были прослежены по всему раскрытому участку рва и зафиксированы на девяти профилях. На них можно увидеть разрезы деревянной стены, расположенной вдоль продольной оси рва и сложенной из округлых бревен или брусьев. На разных участках она сохранилась на высоту от трех до десяти венцов. Угол наклона стены со стороны рва на разных участках варьировался от 73 до 87° (рис. 1; 2) (Научный

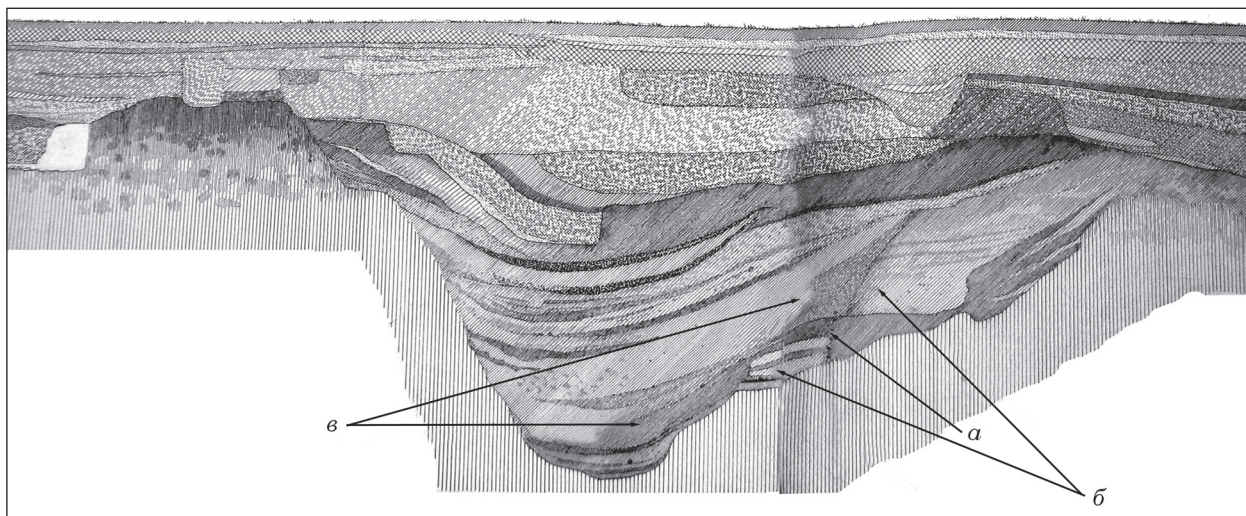

Рис. 2. Экспедиция ИАК. В.Д. Милеев. Деталь западного профиля траншеи — прорезки рва. 1908 г. НА ИИМК РАН. Ф. Р—1. Д. 32. л. 10 (11); а — остатки деревянной стены расположенной параллельно длинной оси рва; б — внутренняя забутовка внутренней и внешней линии деревянных каркасов-городен; в — слой разрушения забутовок деревянных каркасов

архив ИИМК РАН, лл. 10 (11), 11 (12), 27 (28), 30 (31), 30 (31) об., 33 (34), 37 (38), 44 (45), 47 (48), 51 (53), 53 (55)).

В 2007—2008 гг. экспедиция под руководством Г.Ю. Ивакина ещё раз открыла фрагмент деревянных конструкций на склоне рва и подтвердила высокое качество работ экспедиции ИАК. На основании открытий этих двух экспедиций можно сделать вывод, что первоначальные конструкции укреплений представляли собою стенки из бревен, которые располагались параллельно длинной оси рва. Я считаю, что это были камеры или городни, которые были заполнены землей и слоями коротких деревянных плах. Плахи или тонкие бревна из заполнения оказались найдены на участке раскопок 2008 г. Они лежали параллельными рядами друг над другом, перпендикулярно длинной оси рва. Остатки деревянных плах, расположенных перпендикулярно длинной оси рва, впервые были зафиксированы в дневниках Д.В. Милеева и на двух разрезах траншеи 1908 г. (рис. 1 б) (Научный архив ИИМК РАН, лл. 10 (11), 11 (12); Козюба 2004, с. 141, рис. 2—3). Находки нескольких рядов дерева без заметных связей между собой послужили причиной, по которой В.К. Козюба назвал конструкции городища перекладными или крюковыми. Всего он выделил на разрезах рва 18 сохранившихся ярусов дерева. Следует добавить, что во время последних исследований рва археологи последовательно вскрыли более 20 ярусов деревянных плах, лежащих друг над другом с промежутком в 10—15 см. Промежутки между ними были заполнены горизонтальными прослойками грунта. На мой взгляд, бревна, зафиксированные в траншее 1908 г., являются остатками внутренних перегородок между городнями и прямого отношения к перекладным конструкциям не имеют. Разная толщина этих истлевших конструкций, вероятно, связана с разной степенью разрушения древесины и высыханием волокон. Поэтому промежутки между плахами могли появиться в процессе естественного разрушения дерева.

Во время новых исследований подтвердилась картина, впервые выявленная Д.В. Милеевым. Горизонтальные слои плах и земли составляли заполнение второй, внутренней линии городней. Следов перекладных конструкций или заполнения из слоев дерева с внешней стороны вертикальной деревянной стены, разделявшей две линии городней, так и не выявили. Следует учитывать, что традиционные перекладные или крюковые конструкции состоят из чередующихся перпендикулярных и параллельных слоев плах или бревен. Пространство между ярусами бревен засыпалось грунтом. Подобное оборонительное сооружение из чередующихся рядов накатов было открыто в Минске и некоторых других древнерусских городах (Загорюльский 1982, с. 155—156; Моргунов 2007, с. 13—14). На мой взгляд, в сооружении на склоне рва Старокиевского городища подобных конструкций не зафиксировали. На-

оборот, между двумя линиями городней располагалась вертикальная стенка из бревен, которая стояла параллельно склону рва и его длинной оси. Она разделяла заполнения двух отдельных линий сооружения. Эта стена придавала жесткость конструкции и не позволяла его заполнению сползти вниз по склону (рис. 1 а, 2 а). По-видимому, внутренняя линия деревянных камер не имела внутренней стены со стороны земляного склона рва. Как уже указывалось, на чертеже Д.В. Милеева сохранился ряд бревен, который располагался перпендикулярно длинной оси рва и представлял собою поперечные стены-переборки этой конструкции (рис. 1 б). Следы ещё одной поперечной стенки оказались выявлены в раскопе № 5 (2007—2008 гг.) (Ивакин, Иоаннисян 2008, с. 198, рис. 7). Вероятно, концы бревен, обращенные к внутренней стенке рва, были заострены и для прочности конструкции вбиты в склон.

В.К. Козюба реконструировал остатки оборонительные сооружения во рву городища в качестве двучастной крюковой стены или вала, в которой лаги четырех нижних ярусов выступали за пределы перекладных конструкций (Козюба 2004, с. 141—145, рис. 4). В таком случае, с внешней стороны сооружение имело пологий склон, который спускался ко дну рва под углом около 30—40°. В таком варианте конструкция представляла собою основание вала с покатой внешней стенкой. Позволю себе не согласиться с подобным вариантом реконструкции городищенских фортификаций. Детальное рассмотрение чертежей 1908—1909 гг. позволяет предложить иной вариант внешнего облика оборонительных сооружений.

Во-первых, следует учитывать, что исследователи укреплений Старокиевского городища зафиксировали профиль разрушенного и археологизированного сооружения. Его внешняя, лицевая, сторона на момент нивелировки рва, оказалась разрушена. Его земляное заполнение частично оплыло на дно рва. Линия наземных укреплений городища, оформленная в виде трехметрового покатога вала с крутизной склона около 40°, не представляла собою значительного препятствия для штурмовавших городище. Строительство подобного вала на склоне рва, ниже дневной поверхности, значительно понижало его оборонительные возможности. Скорее подобный угол наклона близок к естественному состоянию песчаного или лессового грунта. Поэтому та поверхность, которую В.К. Козюба считает внешней поверхностью оборонительной насыпи, на мой взгляд, является поверхностью сооружения на момент его разрушения (рис. 1 в, 2 в).

Во-вторых, в стратиграфии рва заметно, что разрушенные конструкции по всей исследованной длине были перекрыты горелым слоем с костями и керамикой, который сбрасывали с внутренней площадки городища. Его расположение фиксирует момент окончательной ликвидации фортификационных сооружений (рис. 1 г). Лю-

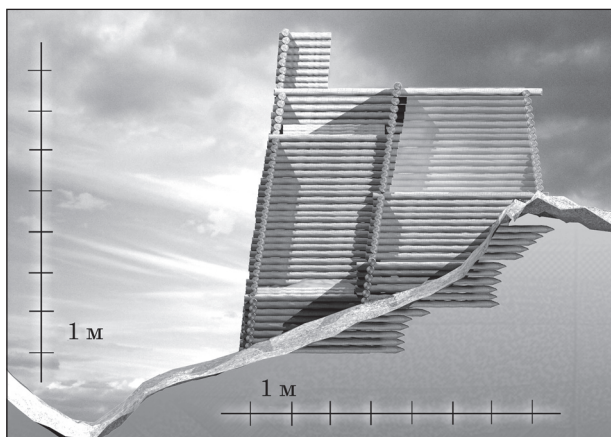

Рис. 3. Реконструкция деревоземляных стен Старокиевского городища. Разрез городни

бопытно, что под слоем угля практически не сохранилось мощных прослоек грунта. Их существование можно было бы предположить, если бы по краю рва существовал земляной вал, которым должны были засыпать ров. Слой угля прослеживался от верхнего, материкового края рва. Эта деталь также заставляет сомневаться в существовании вала. Если бы засыпка происходила с поверхности 2—3-х метрового вала, она бы отстояла от верхнего края рва на 1—2 м. Безусловно, его засыпка шла непосредственно от края рва, что было бы затруднительно при наличии вала или сохранившейся деревянной стены.

В-третьих, следует учитывать, что сохранность дерева в раскопках Д.В. Милеева вполне позволяла проследить его остатки. Отсутствие переотложенных фрагментов деревянных конструкций на дне рва заставляет меня предположить, что значительную часть дубовых городен преднамеренно вынули и переместили изо рва во время разрушений оборонительного сооружения. Уже без внешней опоры часть грунта из засыпки стены оплыла или была сброшена на дно рва. Некоторое время ров стоял засыпанным меньше чем на четверть. Выше углистой прослойки слои стали формироваться только во время строительства Десятинной церкви в 988/9 г. На это указывают остатки строительных материалов и плинфы, которые начинают откладываться поверх прослойки угля, происходят первые находки строительных материалов.

В-четвертых, как уже отмечалось выше, на чертежах Д.В. Милеева отчетливо прослеживаются следы горизонтальных засыпок двух линий деревянных городней, которые расположены параллельно длинной оси рва. Их разделяла вертикальная стена. Стена внешней линии не сохранилась, но горизонтальные слои заполнения свидетельствуют о том, что эта стена существовала. Бревна в этих линиях стен были расположены горизонтально друг над другом. Без внешних срубных или других стен подобная конструкция оказалась бы слишком

неустойчивой. Реконструировать стеновые городни позволяют остатки бревенчатого каркаса и остатки горизонтальных забутовочных субструкций. Высокую вероятность подобной реконструкции подтверждают исследования деревоземляных укреплений Южной Руси, проведенные Ю.Ю. Моргуновым. В специальном разделе своей работы он на многочисленных примерах подробно рассмотрел методические принципы реконструкции разрушенных стен древнерусских городов (Моргунов 2009, с. 92—109).

Реконструкция стены городища. Данные Д.В. Милеева, подкрепленные современной информацией, позволили мне реконструировать эти стены в виде двух параллельных линий, засыпных деревянных городен. Они находились на горизонтальной вырезке на внутреннем склоне рва (реконструкция была выполнена совместно с М.В. Никоновым). Низ конструкций располагался на два или три метра ниже верхнего края рва. В свою очередь, срубные деревянные конструкции на склоне служили своеобразным фундаментом для стены, которая, вероятно, возвышалась над верхним краем рва. Ширина земляной ступеньки и мощность основания конструкций свидетельствуют о том, что они служили основанием для мощного наземного сооружения. Минимальная высота стены не могла быть меньше его основания. Прясла стены были разделены перпендикулярными стенами из бревен. Скорее всего концы бревен были заострены и забиты в склон рва. Внутри городни или камеры, из которых состояли прясла стены, были заполнены грунтом и, на некоторых участках, могли быть заполнены параллельными слоями коротких деревянных плах. Эта деталь конструкции была выявлена во время последних раскопок вокруг Десятинной церкви (рис. 3—5) (Івакін, Іоаннісан 2008, с. 199, рис. 7).

Основываясь на данных из раскопок древнерусских городищ, можно предполагать, что обычная высота деревянной стены редко превышала 3—4 м. Можно предполагать, что внутренняя линия городней в наземной части могла быть использована в качестве жилых помещений. Это предположение кажется вполне вероятным, так как следов жилых построек IX—X вв. на городище так и не выявили. Небольшой наклон наружных стен камер был зафиксирован на профиле сооружения в засыпанной грунтом внутренней линии городней. Эта часть сооружения не подверглась разрушению и сохранила первоначальные контуры. Логично было бы предположить, что обе параллельные линии стен имели одинаковый наклон. Угол наклона стен зафиксирован во всех разрезах рва. Безусловно, он является первоначальным, так как основания стен были присыпаны во время их разрушения и не перемещались вниз по склону. Как уже отмечалось,

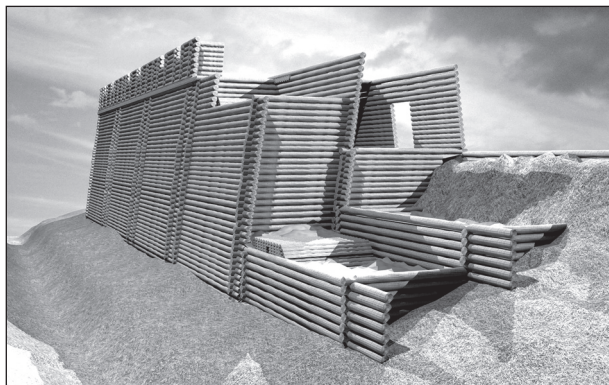

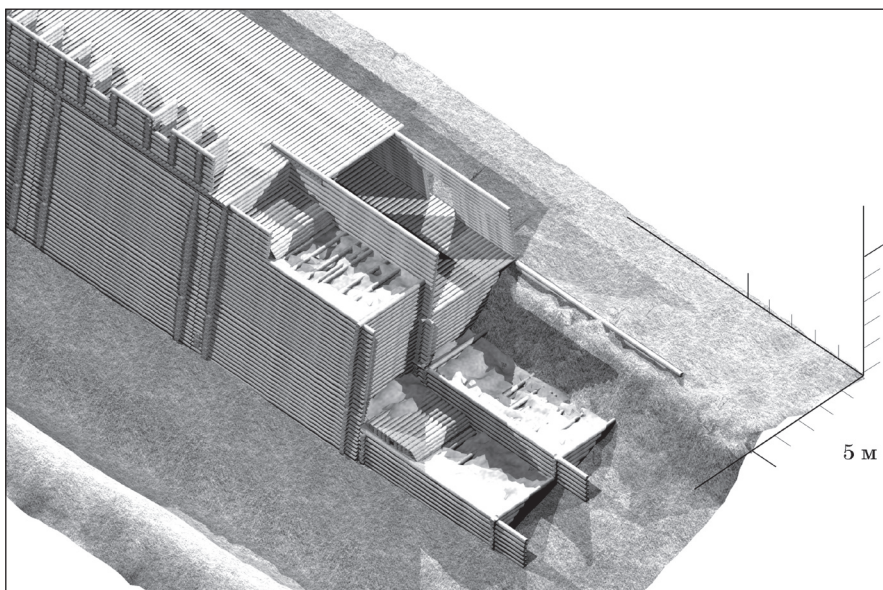
Рис. 4. Реконструкция деревоземляных стен Старокиевского городища

на разных участках угол наклона стены варьировался от 73 до 87°.

Наиболее трудной и наименее достоверной является реконструкция боевой площадки стены или боевого хода. По примеру западнославянских и скандинавских городищ эпохи викингов, он показан без двускатной крыши (рис. 5). Такие варианты вполне возможны на ранних этапах развития оборонительного зодчества. Конечно же, крыша могла защищать деревоземляные стены от избытка атмосферных осадков, а также защищать от вражеских лучников. Однако до сих пор исследователям не удалось обнаружить остатков кровли на древнерусских укреплениях. В то же время, существуют примеры множества западноевропейских земляных крепостей, которые столетиями простояли без кровель. В отечественной традиции для реконструкции боевого хода часто используются данные о русских деревянных и каменных крепостях XVI—XVIII вв., но проецировать достижения позднесредневековой фортификации на раннее средневековье мне не представляется возможным.

Как мне кажется, исследователям так и не удалось обнаружить систему конструкций на внешнем склоне рва. Известно, что наиболее устойчивой к оползням является крутизна склонов не более 30—40°. При глубине рва более 5 м и крутизне склона 50—60° склон, сложенный из песка или суглинка, должен был обязательно быстро оплывать. «Наиболее устойчивыми к естественному оплыванию считаются суглинистые грунты с крутизной скатов от 30 до 45°. По мере повышения этих показателей (в зави-

Рис. 5. Реконструкция деревоземляных стен Старокиевского городища

симости от плотности грунтов) склоны нуждаются в искусственном закреплении» (Моргунов 2009, с. 29). В то же время, заметных следов оплывания внешнего склона на профиле рва отмечено не было, как не было замечено значительных следов естественного разрушения на дне рва. Факт отсутствия следов разрушения крутых склонов рва может объясняться несколькими версиями: регулярными зачистками дна рва, коротким периодом существования рва или специальными укреплениями его склонов дополнительными деревянными или дерновыми конструкциями. В эпоху бастионных крепостей для этих целей использовали армирование склонов деревянными кольями с обвязкой лозой или специальные кирпичные или дерновые стены. В нашем случае подобные укрепления на внешнем склоне рва отсутствовали, что может свидетельствовать о краткосрочности существования укреплений.

Хронология. Вероятно, конструкции Старокиевского городища были разрушены или, скорее, разобраны задолго до начала строительства Десятинной церкви. На это наталкивает отсутствие следов разрушения склонов рва естественного происхождения, а также выемка деревянных субструкций стен. Вероятно, вторичное использование дерева могло произойти в первые 5—10 лет существования стен. После ликвидации укреплений слой разрушения городища оказался перекрыт погребениями языческого некрополя. В течении всего X в. на Старокиевской горе формируется обширный городской некрополь. В процессе его формирования на краю рва и вблизи него появляются насыпи курганов. Одна из погребальных камер могильника (№ 110 по нумерации М.К. Каргера), исследованная Д.В. Милеевым, оказалась сооружена на краю рва. Камера частично прорезала его внешний край. Затем была перекрыта строительным мусором и засыпками, связанными со строительством Десятинной цер-

кви¹ Сооружение этого ключевого захоронения долгое время основывалось на датировке арабского дирхема. Мне же вполне резонным представляется предположение В.К. Козюбы о том, что погребение № 110 могло появиться на краю рва в середине — второй половине X в. (Козюба 2008, с. 255). Не противоречат этой датировке недавние находки накладок на сумку-ташку и костяной кочедык с элементами орнамента в скандинавском стиле Маммен из ближайших разрушенных погребений на месте Десятинной. Они указывают на существование могильника во второй половине X столетия (Івакін, Іоаннісян 2008, с. 204, рис. 13). Не вызывает сомнения, что многочисленные погребения с курганными насыпями существовали на краю рва вплоть до строительства монументального княжеского комплекса в конце X в. По правилам фортификации одновременное и столь близкое расположение оборонительных сооружений и курганов было невозможно. Жителям града в оборонительных целях нужно было сохранять простреливаемое пространство перед стенами. Подобное пустое пространство или гласис крепости обычно всегда оставляли незастроенным. Высокие насыпи курганов, стоявшие на краю рва, представляли бы слишком удобную площадку для обстрела внутреннего пространства крепости и обороняющихся. Они могли бы предоставить штурмующим дополнительный грунт для засыпки рва. Следовательно, ров мог эффективно существовать в качестве оборонительного сооружения только до появления погребений могильника в радиусе 50—100 м от рва.

Новые находки свидетельствуют о том, что последние погребения на месте Десятинной, безусловно, сооружались во второй половине X в, а скорее всего, вплоть до 980-х гг. Следовательно, вероятная дата строительства укреплений отодвигается до первой половины — первой четверти X столетия. Находки в заполнении рва и на площадке самого городища крайне немногочисленны. Они не идут ни в какое сравнение с находками на главных памятниках «дружинного» круга, на городище в Гнёздово или на Новгородском (Рюриковом) городище. Вероятно, отсутствие, характерных для X в. находок и жилых комплексов IX—X вв., свидетельствует о весьма коротком периоде существования первых оборонительных сооружений Старокиевского городища. Так как в заполнении рва и городней была найде-

на гончарная керамика, можно предполагать, что укрепления функционировали на рубеже IX—X — первой четверти X столетия. Затем они были разобраны, а ров частично засыпан. Вплоть до строительства монументального княжеского комплекса в конце X в., на краю полужасыпанного рва городища располагался языческий некрополь. Если Старокиевское городище и использовалось в качестве княжеской резиденции, то очень недолго. Поэтому актуальным остается вопрос преемственности городских укреплений.

Аналоги. Вторым важным вопросом становится проблема происхождения первых киевских оборонительных сооружений. На мой взгляд, наиболее близкими аналогиями укреплениям на Старокиевской горе, безусловно, являются ранние укрепления Новгородского (Рюрикова) городища. На близость этих двух древнейших древнерусских крепостей первым указал Е.Н. Носов в своей работе 2005 г. в сборнике «У истоков русской государственности». Наиболее сохранившийся участок ранних укреплений Рюрикова городища оказался выявлен на южном склоне городищенского холма в 2000—2003 гг. Он представлял собой два ряда клетей, сложенных из дубовых бревен. Внутренний ряд представлял собой трехстенные срубы, не замкнутые со стороны холма. Длина внешних стен составляла около 4 м. Поперечные стены были сложены из бревен, которые были заострены с одного конца. Острием они были вбиты в склон холма. Между собой стены были связаны техникой рубки «в обло». Внутри городни или срубы были заполнены грунтом. Вся вертикальная конструкция поднималась вверх по склону на высоту до 4 м. Е.Н. Носов считает, что столь необычное и грандиозное сооружение служило нескольким целям. Оно несло оборонительные функции, значительно увеличивало площадь княжеской цитадели и служило защитой от разрушительных разливов озера Ильмень. Укрепления прекратили свое существование на рубеже IX—X вв. (Носов 2007, с. 32—35, рис. 6—7; Михайлов 2009). На восточном склоне холма, вблизи церкви Благовещенья, исследователю удалось сделать разрез внешнего склона городищенского рва. Крутизна его склона достигала 45°, глубина — 4,5 м. В последней публикации материалов городища Е.Н. Носов и А.В. Плохов отметили, что по краю рва не удалось проследить следов вала. В 2—3 м от края на рубеже IX—X вв. стояли постройки, среди которых удалось проследить сооружения хозяйственного назначения с дисками от вертикальных ткацких станков (Носов, Горюнова, Плохов 2005, с. 48—50, рис. 8, табл. 18).

Оборонительные сооружения на Старокиевской горе и на Городище, помимо характерных конструкций на склоне, которые формировали площадку городища, сближает отсутствие валов, а также необычайно глубокие рвы. По мнению М.П. Кучеры, средняя глубина рвов древнерусских укреплений варьировалась около значения 2—4 м (Кучера 1986, с. 378). Например, глубина

1. В.К. Козюба и А.К. Комар считают, что, наоборот, камера № 110 была прорезана краем рва. Однако на профиле могилы совершенно незаметно следов прорезки крыши погребения или следов ограбления камеры в период строительства Десятинной церкви (это было бы неизбежно, учитывая, что погребальные камеры были полыми). Не зафиксировано также и заполнение могильной ямы переотложенным строительным грунтом. На чертеже Д.В. Милеева разрушенный верхний край могильной ямы перекрыт различными прослойками и строительным мусором, связанным с Десятинной церковью (Козюба 2004, рис. 6).

рва в Чернигове составляла 2,5 м, а в крепости Воишь — не превышала 3 м (Довженко 1966, с. 26; Черненко, Казаков 2004, с. 63). Помимо редких для древнерусской фортификации приемов строительства у двух укреплений очень близкая хронология. Они оба являются наиболее древнейшими древнерусскими укреплениями срубно-стеновой конструкции. Новгородское (Рюриково) городище возникает во второй половине — конце IX в. Городище на Старокиевской горе существует в начале — первой четверти X в. В начале X вв. они оба прекращают функционировать в качестве укреплений. Разрушение Старокиевского и Новгородского (Рюрикова) городища происходит в схожих условиях. Они естественным образом разрушаются, а их деревянные конструкции разбираются самими жителями поселений. Безусловно, укрепления Новгородского городища предшествуют киевским укреплениям. Некоторые конструктивные детали киевской крепости кажутся вторичными по отношению к городищу на Волхове. Сближает эти два памятника и то, что оба сооружения существуют очень недолго, на самой ранней фазе возникновения этих поселений. Они были разобраны самими обитателями поселений в момент расширения площади и изменения топографии этих первых городских поселений Древней Руси. Связь их мне кажется несомненной, но происхождение исходной строительной традиции ещё требует дальнейшего изучения.

Андрущук Ф.А. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica*. — К., 2004. — Т. 3. — С. 7—47.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX—X вв. — Л., 1978.

Довженко В.И. Древноруське місто Воишь. — К., 1966.

Елишин Д.Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 2008.

Елишин Д.Д. Глава IX. Императорская Археологическая Комиссия и раскопки в Киеве 1908—1914 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. — СПб., 2009. — С. 909—937.

Загорюльский Э.М. Возникновение Минска. — Минск: Изд. БГУ, 1982.

Зоценко В.Н. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного» периода // *Ruthenica*. — К., 2004. — Т. 2. — С. 27—52.

Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005—2007 рр. // Дѣяслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П.П. Толочка з нагоди його 70-річчя. — К.: Корвінпрес, 2008. — С. 191—213.

Каргер М.К. Древний Киев. — М.; Л., 1958.

Килиевич С.Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. По материалам археологических исследований. — К., 1982.

Козюба В.К. Городище на Старокиевській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. — К., 2004. — С. 139—152.

Козюба В.К. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908—1914 рр. (за матеріалами щоденників Д.В. Мілеєва) // *Ruthenica*. — К., 2005. — Т. 4. — С. 169—214.

Козюба В.К. «Місто Володимира» у Києві: історична реальність чи історіографічний міф? // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. — Коростень, 2008. — Т. 1. — С. 237—271.

Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. — К., 2005. — Т. 4. — С. 115—137.

Кучера М.П. Городища // Археология Украинской ССР в трех томах. — К., 1986. — Т. 3. — С. 372—396.

Михайлов К.А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. — М., 2004. — № 1.

Михайлов К.А. Фортификации Старокиевского городища на фоне строительной традиции Центральной и Северной Европы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — Вып. XXIII. — В. Новгород, 2009.

Моргунов Ю.Ю. Фортификация Южной Руси X—XIII вв.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — М., 2007. — 39 с.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X—XIII веков. — М., 2009. — 303 с.

Научный архив ИИМК РАН. — Фонд Р—I. — Дело № 32.

Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: Истор.-археол. сборн.: М-лы междунар. науч. конф. 4—7 окт. 2005 г. — СПб., 2007. — С. 32—35.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования) // Труды ИИМК. — СПб., 2005. — Т. XVIII. — С. 48—50.

ОАК за 1908 год. — СПб., 1912. — 226 с.

Черненко О.С., Казаков А.Л. Охоронні археологічні дослідження на Чернігівському посаді // АБУ 2002—2003 рр. — К., 2004. — С. 62—63.

К. О. Михайлов

РЕКОНСТРУКЦІЯ НАЙДАВНІШИХ УКРІПЛЕНЬ СТАРОКІЇВСЬКОГО ГОРОДИЩА

Робота присвячена аналізу укріплень Старокиївського городища. Використовуючи архівні матеріали з розкопок Д.В. Мілеєва 1908—1915 рр. і короткі повідомлення про нові дослідження рову цього городища, автор пропонує свою реконструкцію дерево-земляних укріплень. На його думку, згадані укріплення функціонували тільки на рубежі IX—X ст., а їх конструкція близька конструкції ранніх укріплень Новгородського (Рюрикового) городища.

K. A. Mikhailov

RECONSTRUCTION OF EARLIEST FORTIFICATION ELEMENTS ON THE OLD KYIV SITE OF ANCIENT SETTLEMENT

The paper is devoted to the fortification analysis of Old Kyiv site of ancient settlement. Author proposes his own reconstruction of fortifications which were made from wood and soil. This Reconstruction is based on the ground of artifacts from D. Mileev's excavations in 1908—1915 years and short reports about new investigations of ditch. At the author's opinion this constructions were functioned only on the line of 9th and 10th cent. And it's close by constructions of early Novgorod (Riurik) site of ancient settlement.